

Научная статья

УДК 343.24

EDN [RLQAPQ](#)

DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).28

И.О. Кравченко *Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,*
iokravchenko16@mail.ru

КУРС НА ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕАКЦИИ ГОСУДАРСТВА НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. В статье проведен анализ практики применения наказания в виде ограничения свободы в свете современных тенденций уголовно-правовой политики, что представляется актуальным, учитывая сформировавшийся десятилетний опыт. Научная новизна представленной работы заключается в авторском подходе к определению роли рассматриваемого наказания в реализации современной уголовно-правовой политики государства. Цель данного исследования заключается в установлении корреляции ожидания и фактической реализации применения ограничения свободы как вида наказания. Методология исследования основана на теоретическом анализе основных научных положений о сущности наказания в виде ограничения свободы и практики его применения, основанном на формально-юридическом методе. Рассмотрена практическая реализация законодательной модели ограничения свободы в трансформации с общими показателями количества осужденных в России. Установлено, что абсолютные показатели численности осужденных к ограничению свободы, демонстрирующие снижение, в этом смысле не коррелируются с выявлением удельного веса данного наказания в общем числе осужденных. Определено, что ограничение свободы, как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания, в общих показателях численности осужденных с 2014 г. занимает стабильный вес. Сделан вывод о том, что модель рассматриваемого наказания актуальна, но ее реализация в предложенной форме содержит ряд проблем, требующих своего решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Система наказаний, ограничение свободы, удельный вес, практика применения наказаний, эффективность.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 19 ноября 2021 г.; дата принятия к печати 21 марта 2022 г.; дата онлайн-размещения 30 апреля 2022 г.

Original article

I.O. Kravchenko *Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation,* iokravchenko16@mail.ru

THE COURSE ON RESTRICTION OF FREEDOM WITHIN THE FRAMEWORK OF THE MODERN MODEL OF THE CRIMINAL-LEGAL REACTION OF THE STATE TO THE CRIME

ABSTRACT. The article analyzes the practice of applying punishment in the form of restriction of freedom in the light of modern trends in criminal law policy, which seems relevant, given the ten-year experience that has been formed. The scientific novelty of the presented work lies in the author's approach to determining the role of the punishment in the implementation of modern criminal law policy of the state. The purpose of this study is to establish the correlation of expectation and actual implementation of the use of restriction of freedom as a type of punishment. The methodology of the research is based on the theoretical analysis of the main scientific provisions on the essence of punishment in the form of restriction of freedom and the practice of its application, based on the formal legal method. The practical implementation of the

© Кравченко И.О., 2022

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

legislative model of restriction of freedom in accordance with the general indicators of the number of convicts in Russia is considered. It is established that the absolute indicators of the number of persons sentenced to restriction of freedom, demonstrating a decrease, in this sense are not correlated with the identification of the specific weight of this punishment in the total number of convicts. It is determined that the restriction of freedom, both as the main and as an additional punishment, has a stable weight in the total number of convicts since 2014. It is concluded that the model of the considered punishment is relevant, but its implementation in the suggested form contains a number of problems that requires its solution.

KEYWORDS. The system of punishments, restriction of freedom, specific gravity, the practice of applying punishments, effectiveness.

ARTICLE INFO. Received November 19, 2021; accepted March 21, 2022; available online April 30, 2022.

В фокусе реализации тренда на либерализацию современного уголовного законодательства именно расширение системы наказаний за счет включения новых видов, несопряженных с непосредственным лишением свободы, является актуальным и востребованным направлением уголовно-правовой политики. В этой связи ограничение свободы представляется наглядной иллюстрацией обозначенной тенденции в ее практическом воплощении.

Интересна история появления ограничения свободы в современном уголовном законе. На волне масштабных преобразований российского уголовного законодательства конца XX в. происходит реанимация некоторых положений, вышедших из правового обихода. Так, мысль законодателя была обращена к проверенной времени модели трудотерапии в формате полусвободного режима. Однако, прежде всего, экономические трудности указанного периода не позволили ввести в действие наказание, предполагающее колоссальные финансовые затраты. Поэтому, просуществовав декларативно лишь на бумаге целых тринадцать лет, ограничение свободы как вид наказания, не обеспеченный практическим применением, было трансформировано в абсолютно иную модель государственного принуждения. Федеральный закон от 27.12.2009 г. № 377¹ изменил сущность ограничения свободы до неузнаваемости, при этом оставил прежнее название. Примечательно, что место в иерархии наказаний осталось тоже без изменений. Безусловно, такое решение вызывает много вопросов о целесообразности, обдуманности, научности и обусловленности такого подхода к формированию системы уголовных наказаний.

Прежде всего, обращает на себя внимание нарушение элементарных законов логики. Известно и не вызывает сомнений, что название должно в краткой форме отражать содержание рассматриваемого феномена. Соответственно, изменение содержания в обязательном порядке предполагает последующее изменение названия. Этот вывод понятен любому обывателю, ведь если, например, в столовой из стакана вылить чай и налить туда воду, а при этом оставить старое название блюда «чай», то данное действие вызовет удивление и непонимание клиента в силу очевидности несоответствия. Однако эта прописная истина оказалась не воспринята законодателем при проведении рассматриваемой реформы. Еще более странным представляется последующее решение законодателя о введении «нового» вида наказания, сущность которого — это в точности то, что на первых порах существования УК РФ именовалось ограничением свободы, но теперь проходит под иным названием. Таким образом, Федеральным законом от 07.12.2011 г.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : Федер. закон от 27 дек. 2009 г. № 377-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52, ч. 1. Ст. 6453.

№ 420-ФЗ² были введены принудительные работы, которые являются ничем иным как возвращением к жизни неудачного опыта по введению ограничения свободы в первоначальной редакции, но уже с новым названием.

Тот факт, что ограничение свободы с измененным содержанием в системе наказаний (которая построена исходя из тяжести наказания от менее строгого к более строгому наказанию) осталось на прежнем месте, а при этом, принудительные работы, по своей природе и внутреннему содержанию являющиеся воспроизведением первой редакции данного вида наказания, заняли в иерархии наказаний место, указывающее на более высокую степень репрессивности, вызывает только недоумение. Важно учитывать и изменение законодательной оценки ограничения свободы как вида наказания и переход с основного наказания на смешанный тип при константе положения в иерархии наказаний. Таким образом, совершенно справедливо отмечает А.Н. Тарбагаев, что законодатель изменил концептуальные основы формирования карательного содержания ограничения свободы, формально, ориентируясь только на его название [9, с. 78]. Не случайно в науке уголовного права все чаще стали слышны выводы о том, что в современном уголовном законе «искажены внутрисистемные связи системы наказаний» [3, с. 279]. Все больше ученых сходятся во мнении, что в ст. 44 УК РФ ограничение свободы занимает неправильное место [6, с. 139], в связи с тем, что смешанное наказание не должно быть более строгим, чем основные виды наказаний; данное наказание налагает лишь запреты, не предъявляя каких-либо конкретных требований к активизации поведения (кроме обязанности являться для регистрации в контролирующей орган от одного до четырех раз в месяц); мало чем отличается от условного осуждения и административного надзора [1, с. 16].

В результате, пройдя столь трудный и сложный путь, ограничение свободы все-таки с первого января 2010 г. получило практическое воплощение и стало применяться на практике.

В качестве основного наказания ограничение свободы достаточно быстро вышло на высокие показатели по частоте применения³. Так, в 2010 г. 6 555 виновным было назначено ограничение свободы в качестве основного наказания, в 2011 г. — 6 265, в 2012 г. — 19 478, в 2013 г. — 25 699, в 2014 г. — 20 097, в 2015 г. — 13 032, в 2016 г. — 16 732, в 2017 г. — 15 825, в 2018 г. — 14 106, в 2019 г. — 12 201 и в 2020 г. — 13 180. Соответственно, первые два года практики применения ограничения свободы характеризуются относительно стабильными показателями, а затем в 2012 г. наблюдается рывок вперед с увеличением показателей в три раза. Высшая точка в частоте применения данного наказания обозначилась в 2013 г. и затем наметился стабильный с небольшими колебаниями спад. Указанные процессы отражены на графике (рис. 1).

Несколько иную картину дает анализ применение ограничения свободы в качестве дополнительного наказания. С первого же года исполнения данного наказания начался активный постоянный прирост количества осужденных к ограничению свободы, который продлился до 2017 г., но затем наметился плавный поступательный спад. Так, если в 2010 г. ограничение свободы было назначено 1 386 осужденным, то в 2011 г. — это уже 4 729, в 2012 г. — 5 791, в 2013 г. — 6 443, в 2014 г. — 6 886, в 2015 г. — 7 808, в 2016 г. — 8 639, в 2017 г. — 9 274,

² Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 07 дек. 2011 г. № 420-ФЗ : (ред. от 03 июля 2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2020 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. М., 2021. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.

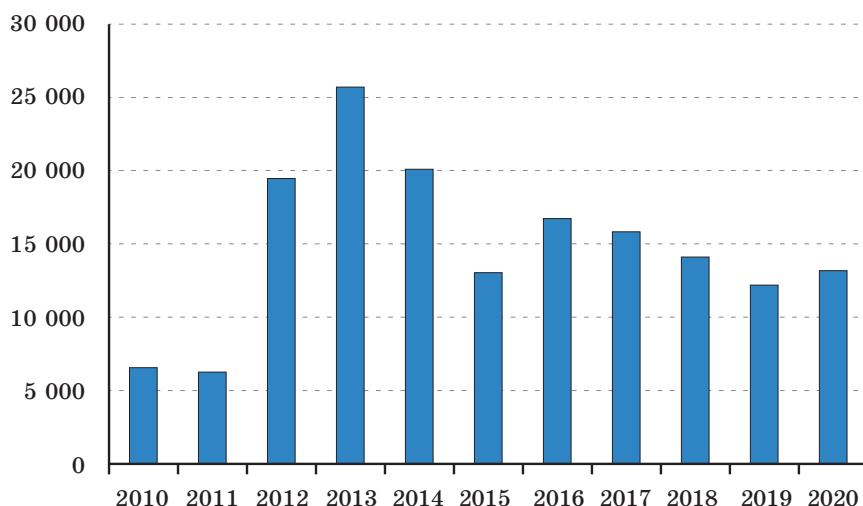

Рис. 1. Количество осужденных к ограничению свободы в качестве основного наказания в РФ за период 2010–2020 гг.

в 2018 г. — 8 903, в 2019 г. — 8 219, в 2020 г. — 6 919 лиц. Отсюда следует, что в 2011 г. имел место «взлет» количественных показателей применения данного вида наказания с 1 386 лиц сразу до 4 729. Затем рост продолжается, но уже более мягко. Именно в этот период ученые отмечали стабильный рост показателей применения ограничения свободы и связывали это, прежде всего, с проявлением эффекта «гуманизации уголовного наказания» и в целом, с «гармонизацией уголовно-правовой политики» [8]. Однако с 2017 г. можно наблюдать стабильное снижение показателей численности осужденных к ограничению свободы. Наглядно обозначенные тенденции отражены на рис. 2.

Необходимо отметить, что абсолютные показатели численности осужденных к ограничению свободы в рассматриваемом периоде, при определении удельного веса частоты применения указанного наказания в общем числе осужденных, преломляются и трансформируются в иную картину. Так, по данным Судебного

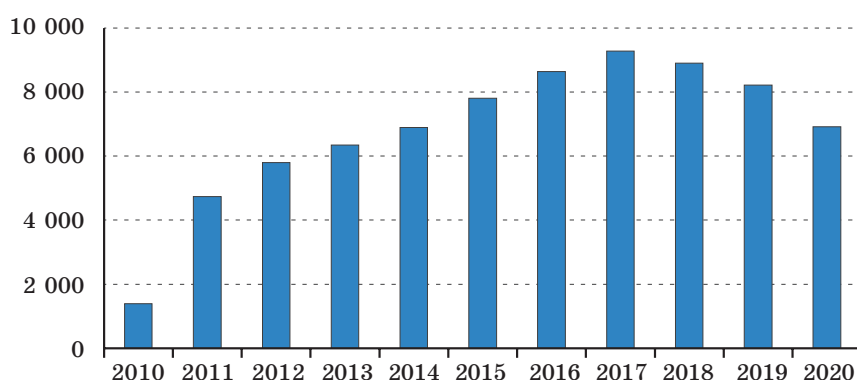

Рис. 2. Количество осужденных к ограничению свободы в качестве дополнительного наказания в РФ за период 2010–2020 гг.

департамента при Верховном Суде РФ, удельный вес ограничения свободы в совокупных показателях в общем количестве осужденных в 2010 г. составил 0,9 %, в 2011 г. — 1,4 %, в 2012 г. — 3,4 %, в 2013 г. — 4,4 %, в 2014 г. — 3,8 %, в 2015 г. — 3,2 %, в 2016 г. — 3,5 %, в 2017 г. — 3,6 %, в 2018 г. — 3,5 %, в 2019 г. — 3,5 % и в 2020 г. — 3,8 % осужденных. Отсюда следует, что в 2012 г. действительно имеет место быть колоссальный скачок в практике применения ограничения свободы, а в 2013 г. наблюдаются максимальные показатели количества осужденных к ограничению свободы в целом, т.е. как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания. В итоге, с 2014 г рассматриваемый вид наказания имеет достаточно стабильный в среднем пределах 3 % с незначительными колебаниями удельный вес в общем количестве осужденных (рис. 3).

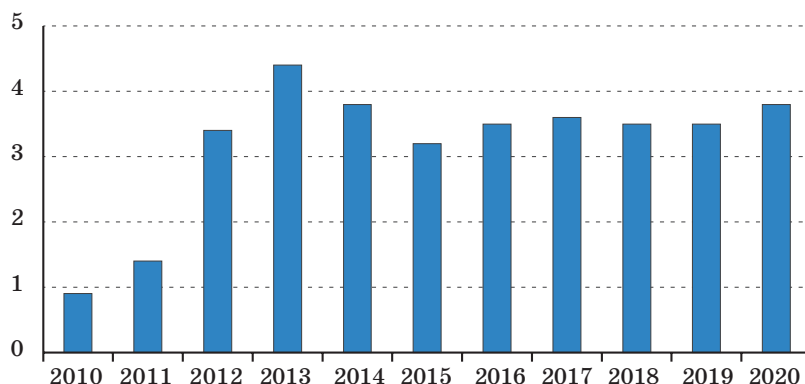

Рис. 3. Удельный вес количества осужденных к ограничению свободы в РФ в общем числе осужденных за период с 2010–2020 гг., %

Из приведенных показателей можно заключить, что практика применения ограничения свободы в настоящее время выработана. Сложилась она достаточно стабильно, и в целом данное наказание заняло свою нишу в общей практике применения наказаний.

Отдельного внимания заслуживает оценка уровня репрессивности наказания в виде ограничения свободы. Содержание данного наказания складывается из совокупности трех компонентов — это обязательные ограничения, факультативные ограничения и выполнение возложенных обязанностей.

В соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ к обязательным ограничениям относятся всего два — это не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования и не изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. Примечательно, что по информации миграционного ведомства на 2021 г. только около 30 % жителей Российской Федерации обладают заграничным паспортом⁴. При этом, по данным ВЦИОМ⁵ в среднем за последние пять лет лишь 4 % россиян несколько раз в год выезжали за рубеж, раз в год — 9 %; при этом по России несколько раз в год путешествовали 9 %, один раз в год — 23 %. Конечно свою роль в формировании данных показателей сыграла пандемия, но в любом случае

⁴ Какое количество россиян имеют загранпаспорта: статистика 2022 года // Паспортист. URL: <https://pasportist.com/voprosy/skolko-rossiyan-imeyut-zagranpasport.html>.

⁵ ВЦИОМ назвал переоцененной долю россиян, выезжающих за рубеж // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/729127>.

период исследования в пять лет позволяет делать определенные выводы. Кроме того «Рамблер» сообщает, что с начала пандемии коронавируса, в период с марта 2020 г. по февраль 2021 г., не более 16 % россиян переехали жить в другой город⁶. Приведенные данные наглядно иллюстрируют тот факт, что жители России, в целом, достаточно редко покидают территорию своего проживания. Особенно остро указанная ситуация отражается на малоимущих и лицах с низким уровнем доходов, которые и составляют большую часть из числа осужденных. В связи с этим напрашивается вывод, что рассматриваемые ограничения не обладают устрашающим воздействием в отношении лиц, совершающих преступления, за исключением незначительной части осужденных, составляющих «беловоротничковую» преступность.

Группу факультативных ограничений составляют следующие — это не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего; не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях; не изменять место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. Думается, что первые три ограничения не представляют превентивной роли в силу малой их распространенности в обыденной жизни осужденных лиц (к слову, не являются они, к сожалению, постоянными посетителями, и тем более, участниками массовых мероприятий; а в ночное время суток большинство людей, в том числе и осужденных, за исключением некоторых представителей молодежи, находятся дома и без применения к ним ограничений). Последнее же ограничение вообще трудно назвать таковым по сути, ведь изменить место работы или учебы возможно, для этого требуется лишь получить разрешение контролирующего органа, который не заинтересован создавать препятствия лицу, отбывающему наказание, и стремящемуся работать или учиться. Получается, что при прохождении очередной регистрации в контролирующем органе только-то и нужно, что поставить его в известность о своем желании.

В качестве обязанности при применении данного наказания выступает требование являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Выполнение именно этого требования, видимо, и должно обеспечить подлинное исправление лица, совершившего преступление, потому как рассмотренные выше ограничения обладают крайне низким репрессивным эффектом.

Действительно, сложившаяся модель ограничения свободы — крайне мягкая форма назначения уголовного наказания [5, с. 365]. Представляется, что эта мера государственного принуждения в установленной форме может иметь воздействие лишь применительно к категории несовершеннолетних, но в отношении взрослых осужденных выглядит непрезентабельно. В этой связи можно было бы согласиться с видением законодателя такой модели наказания исключительно в качестве самой мягкой формы.

Нужно отдать должное, что в научном мире в настоящее время не сформировалось единого подхода к оценке эффективности данного наказания [4, с. 138], а значит, есть как противники, так и сторонники предложенным законодателем стандарта ограничения свободы как вида уголовного наказания.

⁶ Россияне массово сменили место жительства // Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/sociology/45777207/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Подводя итог, можно отметить курс современной уголовной политики, направленный на сокращение наказаний, не предусматривающих изоляцию от общества, в рамках обеспечения сохранности социально-полезных связей, как важного фактора формирования социума [7, с. 60]. Примечательно, что в настоящее время большинство стран мира, именуемые как «развитые государства» (Франция, Великобритания, Швеция и др.) пошли по пути увеличения доли наказаний, не предполагающих изоляцию от общества [10, с. 180]. В этом смысле, наказание, предполагающее некоторые ограничения личной свободы при отсутствии разрыва социальных связей, безусловно, современная и актуальная идея, при этом вопросы вызывает лишь та модель этого ограничения свободы, которая воспринята законодателем, особенно с учетом проблем ее практической реализации [2].

Список использованной литературы

1. Тарбагаев А.Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве / А.Н. Тарбагаев. — DOI 10.17150/1996-7756.2014.8(4).75-82 // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 4. — С. 75–82
2. Бирюкова Е.А. Ограничение свободы в отечественной системе наказания / Е.А. Бирюкова. — DOI 10.33619/2414-2948/44/36 // Бюллетень науки и практики. — 2019. — Т. 5, № 7. — С. 275–282.
3. Мусалева А.В. О месте ограничения свободы в системе наказания / А.В. Мусалева, В.В. Лечитский. — DOI 10.37523/SUI.2020.39.3.022 // Вестник Самарского юридического института. — 2020. — № 3 (39). — С. 137–141.
4. Авдеев В.А. Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер предупреждения преступности / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 1. — С. 12–24.
5. Сергевнин В.А. Гармонизация уголовно-правовой политики России в сфере назначения и исполнения наказания / В.А. Сергевнин, В.А. Авдеев, О.А. Авдеева. — DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(1).78-93 // Криминологический журнал государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 78–93.
6. Милаева М.Ю. Проблемы применения наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы / М.Ю. Милаева // E-Scio. — 2020. — № 11 (50). — С. 361–370.
7. Грушин Ф.В. Ограничение свободы как уголовное наказание в России, Белоруссии и Казахстане / Ф.В. Грушин, Э.В. Лядов. — DOI 10.21779/2224-0241-2020-35-3-137-143 // Юридический вестник ДГУ. — 2020. — Т. 35, № 3. — С. 137–143.
8. Присич И.В. Эффективность исполнения наказания в виде ограничения свободы: проблемы и перспективы / И.В. Присич // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2020. — № 4 (50). — С. 60–63.
9. Улендеева Н.И. История и особенности исполнения наказания в виде ограничения свободы в зарубежных странах / Н.И. Улендеева. — DOI 10.26140/bg3-2019-0802-0039 // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8, № 2 (27). — С. 180–182.
10. Авдеева Е.А. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в условиях реформы уголовного законодательства / Е.А. Авдеева // Вестник Кузбасского института. — 2021. — № 2 (47). — С. 9–18.

References

1. Tarbagaev A.N. Russian Criminal Law System of Penalties Efficiency Issues. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* = *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 75–82. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).75-82.
2. Biryukova E.A. Restriction of Freedom in the Domestic System of Criminal Sanctions. *Byulleten' nauki i praktiki* = *Bulletin of Science and Practice*, 2019, vol. 5, no. 7, pp. 275–282. (In Russian). DOI: 10.33619/2414-2948/44/36.

3. Musaleva A.V., Lechitskiy V.V. Concerning the Place of Freedom Restriction in the System of Punishments. *Vestnik Samarского yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 3, pp. 137–141. (In Russian). DOI: 10.37523/SUI.2020.39.3.022.

4. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Criminal Legal Policy Concept of the Russian Federation: Main Directions of Criminal Law Improvement and Crime Counteraction Measures Optimization. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 1, pp. 12–24. (In Russian).

5. Sergevnin V.A., Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Harmonization of Russian Correctional Policy in the Field of Sentencing and the Execution of Punishment. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 78–93. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).78-93.

6. Milaeva M.Yu. Problems of Application of Punishments Related to Deprivation and Restriction of Freedom. *E-Scio*, 2020, no. 11, pp. 361–370. (In Russian).

7. Grushin F.V., Lyadov E.V. Restriction of Freedom as a Criminal Punishment in Russia, Belarus and Kazakhstan. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*, 2020, vol. 35, no. 3, pp. 137–143. (In Russian). DOI: 10.21779/2224-0241-2020-35-3-137-143.

8. Prisch I.V. Effectiveness of the Execution of Punishment in the Form of Restriction of Freedom: Problems and Prospects. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2020, no. 4, pp. 60–63. (In Russian).

9. Ulendeeva N.I. Features of Execution of Punishment in the Form of Restriction of Freedom in Foreign Countries. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 180–182. (In Russian). DOI: 10.26140/bgz3-2019-0802-0039.

10. Avdeeva E.V. Restriction of Freedom as a Type of Criminal Punishment in the Context of the Reform of the Criminal Legislation of the Russian Federation. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 2, pp. 9–18. (In Russian).

Информация об авторе

Кравченко Ирина Олеговна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, iokravchenko16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7831-2504>, SPIN-код: 9738-0420, Scopus Author ID: 57212876377.

Author

Irina O. Kravchenko — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, iokravchenko16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7831-2504>, SPIN-Code: 9738-0420, Scopus Author ID: 57212876377.

Для цитирования

Кравченко И.О. Курс на ограничение свободы в рамках современной модели уголовно-правовой реакции государства на преступление / И.О. Кравченко. — DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(1).28. — EDN [RLQAPO](#) // Baikal Research Journal. — 2022. — Т. 13, № 1.

For Citation

Kravchenko I.O. The Course on Restriction of Freedom Within the Framework of the Modern Model of the Criminal-Legal Reaction of the State to the Crime. *Baikal Research Journal*, 2022, vol. 13, no. 1. (In Russian). EDN: [RLQAPO](#). DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(1).28.